

СТАНОВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ ШКОЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ (XVIII – НАЧАЛО XIX ВЕКА)

И.В. ФОМИЧЕВ

*Московский государственный гуманитарный университет им. М.А.Шолохова,
г. Москва, Российская Федерация*

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования обусловлена, с одной стороны, несовершенством современной системы управления народным образованием, оказавшейся, как никогда ранее, забюрократизированной и оторванной от нужд национальной школы и интересов профессорско-преподавательского корпуса. В этой связи изучение опыта становления и развития системы управления народным образованием в досоветской России, продемонстрировавшего тенденцию к ее постепенной демократизации и национальной спецификации, представляет безусловный интерес.

С другой стороны, очевидна слабая изученность проблемы. До сегодняшнего дня не появилось ни одной публикации, где бы она раскрывалась специально и комплексно. В дореволюционной, советской и постсоветской литературе история управления образовательной сферой рассматривалась, как правило, в общих трудах по истории народного образования. В немногочисленных же специальных работах она исследовалась фрагментарно и зачастую в узких хронологических рамках.

Эти недостатки предопределяют научный интерес к теме.

Целью данной статьи является изучение становления системы государственного управления народным образованием в России в контексте происходивших в сфере российского образования в XVIII – первой четверти XIX века изменений.

Источниковой базой исследования стали документы и материалы, выявленные в архивах, периодической печати и предшествующих научных публикациях по данной теме.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Государственное управление образовательной сферой берет свое начало с петровских реформ, когда наряду с церковной школой возникает светская. В 1701 году в Москве было открыто первое светское учебное заведение «Школа математических и навигацких наук». Курс обучения в ней состоял из трех ступеней: в начальной, так называемой русской, школе обучали чтению, письму, основам грамматики и арифметики; в цифровой (арифметической) школе – арифметике, геометрии, плоской и сферической тригонометрии, в высших, навигацких классах – математической географии, астрономии, черчению, геодезии, навигации и другим наукам. Большинство учащихся, главным образом недворянского происхождения, ограничивались первыми двумя ступенями: их направляли на подсобные работы во флот, писарями и т. д. Учащиеся же высших классов проходили обязательную практику на морских кораблях, судостроительных верфях, на прокладке дорог. В школу принимались подростки и юноши в возрасте от 12 до 20 лет всех сословий, кроме крепостных. Нуждающиеся находились на полном государственном обеспечении. Большую роль в организации работы школы сыграли выдающиеся математики – русский Л. Ф. Магницкий и приглашенный из Шотландии А. Д. Фарварсон [1, с.41-42].

Будучи единственным правительственным светским учебным заведением, эта школа должна была «выпускать молодых людей во все роды службы, военной и гражданской, которые требовали некоторых научных сведений или даже одного знания русской грамоты» [2, с.6]. Таким образом, из навигацкой школы выходили, кроме моряков, инженеры, артиллеристы, учителя в другие новые школы, геодезисты, архитекторы, гражданские чиновники, писари, мастеровые и т. д. Иными словами, эта морская школа на практике являлась политехникумом. Такой она осталась и после своего переселения в 1715 году в Петербург, где в 1716 году получила название «Морская академия» [3, с.248].

В годы правления Петра I и вскоре после его смерти наряду с Морской академией была учреждена Инженерная школа, Сухопутный шляхетский кадетский корпус и ряд других военных учеб-

ных заведений, которые очень скоро приобрели узкосословный дворянский характер [4, с.108-110]. Морская же академия и основанная в 1685 году Славяно-греко-латинская духовная академия сделались исходными пунктами целой сети низших школ, созданных Петром I в провинции. В 1714 году, например, когда вышел указ об обязательном обучении дворянства, Петр I распорядился послать из навигацкой школы учеников во все губернии «для науки молодых ребятки из всяких чинов людей» в арифметические, или, как они еще назывались, цифирные школы, которые повелено было завести при архиерейских домах и в знатных монастырях [4, с.127-128]. Во исполнение этого распоряжения с 1716 по 1722 год в разных городах России были открыты 42 цифирные русские школы [3, с.249] («цифирными» школы назывались потому, что главными предметами обучения в них были арифметика и геометрия; «русскими» – потому, что в отличие от «разноязычных» и «немецких» школ преподавание в них велось на русском языке [5, с.8]. Эти школы в начальный период их существования посещало немногим более 2000 учащихся. По социальному составу они распределялись следующим образом [3, с.249]:

1. Из духовного звания – 931(45,4%).
2. Солдатских (драгунских, казачьих, и пушкарских детей) – 402 (19,6%).
3. Приказных – 374 (18,2%).
4. Посадских – 93 (4,5%).
5. Дворян и детей боярских – 53 (2,5%).

Крестьянские дети в цифирные школы не допускались, поскольку, как отмечалось в одном из указов 1722 года, крестьянский труд не требовал какого-либо образования [6, с.14].

Почти одновременно с цифирными школами, согласно предписанию Духовного регламента (законодательный акт, принятый в 1721 году Петром I, в соответствии с которым вместо патриаршества учреждался Синод, т. е. по существу церковь подчинялась государству) [7, с.417], в российской провинции при архиерейских домах стали учреждаться епархиальные школы. С 1721 по 1725 год их было открыто 46. В 1727 году в епархиальных школах обучалось 3056 учащихся [3, с.249, 251], принадлежащих к различным сословиям и социальным группам: духовному, дворянскому, крестьянскому и другим. По требованию Духовного Регламента архиерейские школы еще не были чисто профессиональными; по содержанию и уровню своего учебного курса они были низшими общеобразовательными училищами. Профессиональными духовными школами они стали лишь с конца 1730-х годов [2, с.7-8].

Таким образом, к концу царствования Петра I многие губернские и провинциальные города имели по две государственные школы – светскую и духовную, первоначально дававшие своим ученикам как профессиональные, так и общеобразовательные знания. Создание этой первой в России сети светских и духовных школ, собственно, и положило начало формированию в стране системы народного образования.

Управление цифирными и епархиальными школами было вменено государственным органам, соответственно «Адмиралтейской коллегии» и «Синоду». На местах ближайшее наблюдение за светской школой осуществляли губернаторы и воеводы, а за духовной – местные первосвященники [8, с.12]. Следовательно, несмотря на то, что большинство школ носило государственный характер (не считая частных пансионов, учреждаемых обычно иностранцами и обучающих детей иностранцев), руководство ими было разобщено по различным ведомствам [9, с.14].

В педагогическом же отношении все типы школ, существовавшие в России, носили, главным образом, узкопрофессиональный характер, так как ставили своей целью готовить служилых людей. Вместе с тем они давали и некоторые общеобразовательные знания, правда, за исключением духовных школ, крайне незначительные. Воспитательных задач в доекатерининский период перед школой и вовсе не ставилось [3, с.253].

Ситуация изменилась лишь с восшествием на престол Екатерины II, строившей широкие планы просвещения масс. Императрица первоначально ставила и стремилась разрешить в области образования следующие три основные задачи. Во-первых, превратить русскую школу из сословной и профессиональной (какой она сложилась со времени Петра I) в бессословную и общеобразовательную. Во-вторых, создать намеченную еще реформами Петра I сеть государственных провинциальных учебных заведений (в 1782 году в стране, не считая отдельных сословных и ведомственных учебных заведений, насчитывалось всего 8 народных училищ, в которых работало 26 учителей и обучалось 518 учащихся, в том числе 474 мальчика и 44 девочки) [4, с.135]. В-третьих, в корне изменить само назначение общеобразовательной школы, сделав ее не только обучающей, но и воспитывающей.

Для осуществления этих задач Екатерина II в 1782 году пригласила из Австро-Венгрии выдающегося прусского педагога-реформатора, устроителя общеобразовательной школы по методу Фельбигера в Пруссии и Австро-Венгрии серба Янковича де Мириево [3, с.268]. Приехав в Россию, Янкович разработал «План к установлению народных училищ в Российской империи», который был положен в основу «Устава народных училищ», высочайше утвержденного 5 августа 1786 года. Устав этот был основан на принципах, признающих народное образование делом государства и ненасилия школы над учащимися в вопросах вероисповедания [10, с.40; 11, с.17-19].

С 1786 года система народных училищ по типу Янковича стала вводиться в действие. Сначала в течение первых трех лет были учреждены главные училища во всех 40 губернских городах России. Затем (по мере подготовки в них учителей) – малые двухклассные школы в уездных городах. Всего до 1800 года было открыто 250 главных и малых училищ [3, с.271; 8, с.16].

Общее руководство всеми училищами осуществляла «комиссия народных училищ», а хозяйственная часть лежала на обязанности приказов общественного призрения (25), председатели которых - губернаторы - являлись попечителями школ. Созданные еще в 1775 году, эти приказы к началу школьной реформы накопили определенный опыт по руководству школой, так как с 1775 по 1781 год под их надзором осуществлялось становление народных школ при церквях [10, с.392].

В учебном отношении все училища подчинялись губернским директорам народных училищ, которые утверждались в этой должности генерал-губернаторами и непосредственно управляли главными народными училищами. Директора обязаны были участвовать в заседаниях приказов общественного призрения и представлять отчеты о состоянии училищ по полугодиям. Управление же малыми училищами вменялось выбранным от городского общества смотрителям, т. е. людям, которые зачастую не имели специального педагогического образования и неохотно подчинялись контролю директоров. Так как малые училища почти не заботились о содержании главных губернских училищ, их действительное попечение легло на плечи городских дум в то время, как правило, не являвшихся поклонниками просвещения [8, с.16].

Таким образом, хотя екатерининская школьная реформа и продвинула дело образования в России вперед, однако устранить несогласованность в организации школьного управления не смогла. Несмотря на попытку придания образованию единого централизованного начала (создание «комиссии народных училищ») и учреждение специальной администрации просвещения на местах, не все обстояло благополучно. Связано это было с тем, что контроль и многие другие вопросы школьного дела по-прежнему реально оставались в руках общей администрации, а именно: Сената, губернаторов, приказов общественного призрения, городских дум, между которыми отсутствовала какая-либо четкая соподчиненность [5, с.40].

Итак, можно сказать, что в годы правления Екатерины II полной системы народного образования создано все-таки не было. И главной причиной тому явились недостатки в организации учебного управления. В результате, по справедливому замечанию современников [11, с.31], дело народного образования в России в конце XVIII века представляло собой необычную смесь и пестроту. Следовательно, на рубеже XIX столетия из всех очередных вопросов народного просвещения особенно выдвинулся вопрос о создании центрального органа управления, который объединил бы в своих руках правительственное попечение о народном образовании. Это объясняет, почему пришедший несколько лет спустя к власти Александр I, подхвативший у своей бабки эстафету просвещенного абсолютизма и приступивший к новой реформе образования, начал ее осуществление с постановки и разрешения именно этого вопроса.

Важную роль в подготовке Александром I реформы народного образования сыграл кружок его друзей, так называемый «негласный комитет», в который входили Н. Н. Новосильцев, князь А. Чарторыйский, В. П. Кочубей и граф П. А. Строганов [11, с.31]. Именно на его заседаниях (всего их было проведено 35), собиравшихся с 24 июня 1801 года по 12 мая 1802 года [12, с.55], впервые был поставлен и неоднократно обсуждался план будущей реформы. В ее основу «Негласный комитет» положил идею, высказанную еще Петром I в указе об открытии в России Академии наук, о необходимости достижения административного единства и централизации учебного дела. В этой связи первоочередным вопросом, подвергшимся в «негласном комитете» широкому обсуждению, стал вопрос об организации центрального органа управления народным образованием. Результатом этого обсуждения явилось образование в соответствии с царским манифестом в сентябре 1802 года Министерства народного просвещения, которому поручалось ведать всеми учебными заведениями в империи. Его первым министром был назначен председатель «комиссии народных училищ» П.В.Завадовский. По утверждении Министерства народного просвещения дело преобразо-

вания народного просвещения перешло в руки работавшей в его составе «комиссии народных училищ» (с 1803 года «Главное училищ правление»), которая к началу 1803 года выработала «Предварительные правила народного просвещения», утвержденные 24 января 1803 года Высочайшим указом [10, с.41-42; 12, с.61,64].

Правила предусматривали создание в России стройной системы народного образования, состоявшей из учебных заведений четырех категорий: 1) училища приходские, 2) училища уездные, 3) училища губернские (или гимназии) и 4) университеты. Осуществлять эту систему в масштабах страны должны были Московский, Санкт-Петербургский, Харьковский, Казанский, Виленский и Дерптский университеты (к началу реформы их было только три: Московский, Виленский и Дерптский; остальные С.-Петербургский, Харьковский и Казанский - еще только предстояло создать) [5, с.39] вместе с подведомственными им учебными заведениями [13, л.1]. Между школами различных ступеней, согласно программе обучения, предполагалась преемственность и последовательность, т. е. возможность перехода из одной в другую, а именно: из приходского училища в уездное, из уездного - в гимназию, из гимназии - в университет [8, с.18].

В соответствии с «Предварительными правилами» Российская империя была разделена по числу предполагаемых университетов на шесть учебных округов, которым подчинялись все общеобразовательные учреждения, существовавшие в губерниях, вошедших в состав того или иного округа. В каждом университете создавались училищные комитеты, на которые возлагались все функции по руководству учебными заведениями округа. Училищные комитеты подчинялись ректору университета, а он, в свою очередь – попечителю учебного округа. Попечитель учебного округа являлся одновременно членом Главного правления училищ, куратором университета и начальником всех учебных заведений округа. По штату при нем состояли: помощник, столоначальник и окружные инспекторы, которые проверяли учебные заведения и составляли доклады и сводки о состоянии просвещения в округе [5, с.40].

Таким образом, школьной реформой 1803-1804 годов в России вводилась качественно новая система управления народным образованием. Если раньше учебные заведения на местах были вверены общей администрации и между ними не было какой-либо соподчиненности, то новыми университетским и школьным уставами вводилось строго централизованное, иерархическое руководство школой, предусматривавшее прямую бюрократическую зависимость низших ее звеньев от высших. В частности, приходские училища подчинялись смотрителю уездного училища, уездные училища – директору гимназии, гимназии – ректору университета, университет – попечителю учебного округа и последний – министру народного просвещения, который непосредственно подчинялся царю. Следовательно, управление школьным делом становилось составной частью общего разветвленного и централизованного государственного аппарата, что существенно облегчало правительству реализацию задач школьной политики в учебных заведениях всех ступеней [5, с.40].

В результате осуществленной Александром I образовательной реформы в России сложилась следующая система управления народным образованием. В сентябре 1802 года было учреждено центральное учебное ведомство – Министерство народного просвещения (МНП). В его ведении первоначально помимо общеобразовательных школ и университетов находились научные учреждения и издательское дело. Часть учебных заведений была предоставлена «особому попечению» других министерств и ведомств: Министерству государственных имуществ, Министерству внутренних дел, военному министерству, удельному ведомству, Синоду и другим, имевшим значительную автономию в управлении своими учреждениями. Центральными же учреждениями, ведавшими школами, являлись Министерство народного просвещения, ведомство императрицы Марии и Синод. Верховный надзор за всем народным образованием и ведущую роль в его управлении осуществляло Министерство народного просвещения [5, с.39].

ВЫВОДЫ

Изучение истории государственного управления народным образованием в России в XVIII – начале XIX века позволило установить следующее. Становление системы государственного управления школьным делом происходило одновременно и в рамках общего процесса формирования государственной системы народного образования. Последняя была создана первоначально при Екатерине II, однако не имела единого органа управления. Этот очевидный недостаток удалось преодолеть благодаря образовательной реформе Александра I. В ходе ее проведения в России сложилась довольно стройная система общеобразовательных учебных заведений. Причем эта сис-

тема была увенчана строго централизованной системой школьного управления, в основе которой находились учебные округа, подчиненные образованному в 1802 году Министерству народного просвещения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Высшее образование в России: Очерк истории до 1917 года / Под ред. В.Г.Кинелева. – М., 1955. – 352 с.
2. Рождественский, С. В. Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII-XIX веках. / С.В. Рождественский. – СПб., 1912.– 1 т. – 680 с.
3. Милуков, П. Н. Очерки по истории русской культуры: в 3 т./ П.Н. Милуков. – М., 1994. – Т.2, ч.2. – 496 с.
4. История воспитания и образования в России XVIII века. Ч.2. Материалы для самостоятельного изучения / Сост. Д.И.Латышина.– М., 1992. 580 с.
5. Паначин, Ф. Г. Педагогическое образование в России: (историко-педагогические очерки)/ Ф.Г. Паначин. – М., 1979. 215 с.
6. Жураковский, Г. Е. Из истории просвещения в дореволюционной России: (Очерки) /Под ред и вступ. Статьей Э.Д.Днепров. – М., 1978. – 160с.
7. Советский Энциклопедический словарь / Под ред. А. М. Прохорова. 2-е изд. – М., 1982. – 1600 с.
8. Народное образование в России. Отдельное издание. Т.10 «Народной энциклопедии».– М., 1914. – 420 с.
9. Папаригопуло, С.В. Из истории государственного управления в области образования в России. Школьные реформы при Петре 1: дис. ... канд. юрид. наук./ С.В. Папаригопуло. – М., 1954.
10. Шапкина, А.П. Петербургские школы в первой половине XIX века: дис. ...канд. ист. Наук/ А.П.Шапкина. – Л.,1983.
11. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802-1902 / Сост. С.В.Рождественский. СПб., 1902. – 785 С.
12. Шабаева, М. Ф. Школа и учительство в России в первой четверти XIX века (от начала века до восстания декабристов). дис. ... д-ра пед. наук/ М.Ф. Шабаева.– М., 1955.
13. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 2315. – Оп. 1. – Д. 43.

FORMATION OF THE STATE SYSTEM OF THE SCHOOL ADMINISTRATION IN RUSSIA (XVIII – THE BEGINNING OF XIX CENTURY)

I.V. FOMICHEV

Summary

In the article the history of formation of the system of government of national education in Russia is analyzed. It is shown, that this process passed simultaneously and within the limits of the general process of formation of the state system of national education. It is established, that the state system of school management as the complete system, has been built up for the first time in the beginning of the XIX-th century as a result of educational reforms of Alexander the First.

Поступила в редакцию 15 мая 2009 г.

УДЗЕЛ МОЛАДЗІ Ў САЦЫЯЛЬНА-ЭКАНАМІЧНЫМ ЖЫЦЦІ ССРБ У 1922 Г.

В.В. ДАЊЛОВІЧ*Інстытут гісторыі НАН Беларусі,
г. Мінск, Рэспубліка Беларусь*

1922г. быў другім годам ажыццяўлення новай эканамічнай палітыкі ў ССРБ. Ішло паступовае адраджэнне разбуранай рэвалюцыямі і войнамі народнай гаспадаркі савецкай Беларусі. У поўнай меры ўсе змены, звязаныя з НЭП, адбіваліся і на сацыяльна-эканамічным становішчы моладзі рэспублікі.

Правадніком і апорай палітыкі кампартыі ў маладзёжным асяроддзі з'яўляўся камсамол, які імкнуўся адыграваць актыўную ролю ў сацыяльна-эканамічным жыцці.

У ССРБ у 1922 г. расло беспрацоўе сярод юнакоў і дзяўчын. Пры гэтым КСМБ вельмі насцярожана ставіўся да індывідуальнага вучаніцтва ў прыватных прамысловых прадпрыемствах, што сведчыць аб прыярыцеце ў яго дзейнасці ідэалагічных догмаў над здаровым сэнсам, і намагаўся ўзмацніць гэтую працу ў дзяржаўнай прамысловасці. Але гэтыя намаганні вялікага плёну не давалі, і ў выніку вялікая колькасць маладых людзей стаяла пад пагрозай распылення і дэкаласавання з-за распаўсюджанасці сярод іх п'янства і эканамічных злачынстваў [1, л. 3; 4, л. 2].

Праведзеныя ў красавіку 1922 г. маладзёжныя беспартыйныя канферэнцыі паказалі, што да 99 % моладзі савецкай Беларусі былі непісьменныя, а ахова працы юнакоў і дзяўчын не выконвалася [2, л. 23]. Летам 1922 г. з-за беспрацоўя і эксплуатацыі на прыватных прадпрыемствах назіралася гранічна дрэннае становішча нават працуючых маладых людзей рэспублікі, у выніку чаго сярод іх было распаўсюджана п'янства [3, л. 8].

Да таго ж у ССРБ назіраліся развіццё эпідэмічных захворванняў і масавыя скарачэнні з працы на прадпрыемствах нават камсамольцаў [1, л. 8]. Такія абставіны прымусілі камсамол савецкай Беларусі ў сваёй сацыяльна-эканамічнай дзейнасці займацца пераважна дапамогай сваім членам.

У лютым 1922 г. КСМБ была арганізавана юнацкая секцыя пры народным камісарыяце аховы здароўя рэспублікі [2, л. 4]. Гэта юнсекцыя арганізавала рэспубліканскі медыцынскі агляд да 1 тысячы чалавек моладзі, з іх 40 % аказаліся хворымі, а 780 чалавек скарысталіся пуцёўкамі ў маладзёжны дом адпачынку [4, л. 7], які летам 1922 г. знаходзіўся ў дрэнным стане, бо была скарачана выдача харчавання для яго [2, л. 56]. Для харчавання прайшоўшых гэты агляд юнсекцыяй было атрымана ад наркамата аховы здароўя 100 пайкоў, якія былі размеркаваны па паведах: Бабруйск – 30, Барысаў – 25, Слуцк – 20, Мазыр – 15, Ігумен – 10 [1, л. 8].

У маі 1922 г. камсамольцы арганізавалі юнсекцыю аховы здароўя пры гарадскім адзеле аховы здароўя ў Мінску. Яна аказвала дапамогу захварэўшым падлеткам дыетычным харчаваннем (з гэтай мэтай за ЦК камсамола ССРБ было забраніравана 50 пайкоў ЦДА), накіроўвала іх на спецыяльнае лячэнне, арганізавала аздаравленне падлеткаў у дамах адпачынку. Намаганямі гэтай юнсекцыі пры ЦДА была створана дыетычная сталоўка для моладзі, за якой браніравалася 45 пайкоў. Па Мінску з мая па кастрычнік 1922 г. быў размеркаваны 351 паёк, двухтыднёвыя пайкі атрымалі 522 чалавека, а месячныя – 90 чалавек. Усяго па Мінску дыетычным харчаваннем і домам адпачынку было забяспечана 789 чалавек. Дадзеная юнсекцыя супрацоўнічала і з міжнароднымі гуманітарнымі місіямі. Так, яна атрымала ад квакераў 60 пайкоў для забеспячэння экскурсій рабочых юнакоў і дзяўчын (пайкі былі перададзены ў сталоўку ЦК КСМБ), а таксама 24 камплекты адзення (перададзены камісіі па паляпшэнні быта камсамольцаў) [1, л. 7 – 8]. Такім чынам, бачым, што атрыманая гуманітарная дапамога накіроўвалася для забеспячэння камсамольцаў.

Увогуле да кастрычніка 1922 г. у дзейнасці камсамола савецкай Беларусі пераважала сацыяльна-эканамічная праца ў гарадах.

На вёсцы ж адзначалася пагаршэнне сацыяльна-эканамічнага становішча маладых людзей, і, каб палепшыць яго, яны ўсё больш сыходзілі толькі ў гаспадарчую дзейнасць. Пры гэтым вялікі недахоп моладзі адчуваўся ў саўгасах [3, л. 18, 41]. Затое КСМБ была добра праведзена кампанія па збору харчпадатку [1, л. 1 – 2], што сведчыць аб прыярыцеце для камсамольцаў дадзенай кампаніі над вырашэннем надзённых сацыяльна-эканамічных праблем вясковай моладзі.

Звярталі ўвагу на сацыяльна-эканамічнае становішча маладога пакалення і прафсаюзы. Па пастанове тарыфна-эканамічнага аддзела УЦСПС № 480 ад 18 лютага 1922 г., у мэтах планамернага аднаўлення кваліфікаванай рабочай сілы і аховы працы рабочых-падлеткаў, аплата працы падлеткаў-вучняў на прадпрыемствах ажыццяўлялася са сродкаў для аплаты рабочых і служачых і вызначалася ў сувязі з узрастаннем кваліфікацыі поўнай тарыфнай стаўкай за скарочаны рабочы дзень ад 1-га да 6-га разрадаў 17-разраднай сеткі. У выпадку невыпрацоўкі вучнем нормы ці слабой паспяховасці ў занятках яму давалася толькі 75 % разраднай стаўкі. У выпадку непрыдатнасці вучня да вывучэння дадзенай прафесіі ён мог быць пераведзены на іншую працу ці звольнены ў агульным парадку. Усё гэта было абавязкова для ўсіх дзяржаўных прадпрыемстваў, устаноў і гаспадарак [5, л. 3].

Аднак у рэчаіснасці правы працуючых юнакоў і дзяўчын не захоўваліся.

У дзяржаўнай прамысловасці ССРБ не выконваліся нормы гадзін працы падлеткаў (на розных прадпрыемствах яны працавалі ад 2 да 8 гадзін у суткі), у аплаце іх працы адсутнічала сістэма. Перавод у вышэйшы разрад тарыфнай сеткі ажыццяўляўся па заяве падлетка. Адміністрацыя прадпрыемстваў не звяртала ўвагі на навучанне падлеткаў прафесіям. У харчовай і гарбарнай прамысловасцях увогуле ўсе маладыя людзі былі звольнены [4, л. 36].

Працэнт моладзі на прыватных прадпрыемствах у 3,5 разы перавышаў яе працэнт на дзяржаўных прадпрыемствах. У мястэчках назіраўся моцны рост дробнай прамысловасці, у якую ўцягваліся амаль выключна юнакі і дзяўчыны, як найбольш лёгка эксплуатаемая працоўная сіла. На прыватных прадпрыемствах, за рэдкім выключэннем на больш буйных з іх (5 – 8 рабочых), нормы гадзін працы падлеткаў таксама не захоўваліся. Існавала здзельная аплата па няправільнаму тарыфу. Адсутнічаў сістэматычны кантроль за захаваннем правоў працуючых маладых людзей. У выніку саматужная моладзь актыўна ішла ў камсамол савецкай Беларусі і змагалася супраць гаспадароў [4, л. 36]. Апошні факт, з аднаго боку, сведчыць аб эфектыўнасці адстойвання КСМБ правоў сваіх членаў, а з другога боку – аб тым, што несаюзным юнакам і дзяўчынам ССРБ цяжка было адстойваць свае гарантаваныя дзяржавай правы.

Пасля IV з'езда камсамола савецкай Беларусі яго асабліва ўвага была звернута на працу ўнутры прафсаюзнага руху (да гэтага часу сістэматычнай работы арганізацыі там не вялося). Па Мінску і паветах былі выдзелены камсамольскія прадстаўнікі ў праўленні прафсаюзаў. Для кіраўніцтва ўнутранай і знешняй эканамічнай працай камсамольцаў была створана адмысловая эканамічная камісія [1, л. 8]. Усё гэта сведчыць аб умацненні увагі КСМБ да пазасаюзнай эканамічнай работы, што можна вытлумачыць жаданнем пашырыць свой уплыў на маладых людзей рэспублікі з дапамогай вырашэння іх надзённых эканамічных праблем. Зразумела, што для такой мэты найлепшым сродкам з'яўляліся прафсаюзы.

У выніку разгорнутай працы прафсаюзамі ССРБ былі прынятыя вылучаныя камсамольцамі дадатковыя пункты ў калектыўныя працоўныя дагаворы аб аплаце і ахове працы моладзі. Камсамол савецкай Беларусі правёў кампанію кантроля за прадастаўленнем абавязковых працяглых адпачынкаў для працуючых юнакоў і дзяўчын. Кампанія дала паспяховыя вынікі: за рэдкім выключэннем працуючыя маладыя людзі нават на прыватных прадпрыемствах атрымалі месячныя ці двухтыднёвыя адпачынкi [1, л. 8].

Асноўная ўвага надавалася працы ў тых прафсаюзах, дзе была сканцэнтравана найбольшая колькасць рабочай моладзі ССРБ (прафсаюзы гарбароў, швейпрама, харчавікоў, металістаў). У іх прадстаўнікі КСМБ хоць і несістэматычна, але імкнуліся праводзіць сходы маладых членаў прафсаюзаў, на якіх абмяркоўваліся як эканамічныя, так і прапагандысцкія пытанні (значыць камсамольцы выкарыстоўвалі эканамічную працу і ў прапагандысцкіх палітычных мэтах). Так, у прафсаюзе гарбароў было арганізавана 5 сходаў, у прафсаюзе швейпрама – 2, у прафсаюзе харчавікоў – 4, у прафсаюзе металістаў – 3. Аднак такія сходы не ахапілі яшчэ ўсіх працуючых юнакоў і дзяўчын. Акрамя гэтага ў Барысаве былі праведзены 2, а ў Слуцку – 1 беспартыйныя маладзёжныя канферэнцыі па вырашэнню эканамічна-прававых пытанняў. Камсамол савецкай Беларусі імкнуўся ўзняць адукацыйны ўзровень маладых людзей. З гэтай мэтай была праведзена кампанія накіравання рабочай моладзі ў вечаровыя школы [1, л. 8].

Не ва ўсіх прафсаюзах дзейнасць КСМБ была паспяховай. Так, слаба вялася праца ў прафсаюзе хімікаў, прадпрыемствы якога былі раскіданы па паветах і перажывалі буйны крызіс. Пры аддзелах аховы працы ў Мінску, Бабруйску, Барысаве і Слуцку працавалі камсамольцы-асістэнты інспектараў працы (па аднаму), але вельмі слаба. Найлепш праца камсамола савецкай Беларусі ў прафсаюзах была пастаўлена ў Слуцку і Барысаве, горш – у Мазыры і Бабруйску. Трэба адзначыць, што ў Слуцку і Бабруйску камсамольская прафсаюзная праца тармазілася ў сувязі з